

А.В. Алексеев

Стилистическая окраска слова в диахроническом аспекте

Содержание понятия «стилистическая окраска слова» уточняется за счет применения диахронического метода. Стилистическая окраска рассматривается как соединение различных по своему статусу коннотаций и функциональной ограниченности слова. Источником культурной коннотации является символическая функция слова, что показано на примере существительных *брада* и *градь*. В истории языка происходит утрата древнейших символических значений, связанных с сакральной стилистической окраской рассмотренных слов.

Ключевые слова: лексическая семантика; историческая стилистика; символическое значение.

Стилевая закреплённость слова в своей основе — это его историческая память, свидетельство прежних употреблений. Если слово тяготеет к высокому стилю, но при этом не уходит из активного запаса, это означает, что номинативная часть его семантики дополняется признаками, последовательно выражаемыми в высоком стиле и составляющими стилистическую коннотацию слова. При этом исторический источник высокого стиля — сакральная область языка, предназначенная для выражения ключевых ценностей данной культуры. Основным способом передачи сакральных ценностей в истории культуры является символ. Следовательно, коннотация высокого стиля представляет собой в диахроническом плане символическую структуру и нацелена на экспликацию важнейших компонентов культурной значимости. Рассмотрим механизмы подобной экспликации на материале слов *брада* и *град*.

Слово *брада* представляет собой лексический архаизм, который в полногласной/неполногласной паре *борода* – *брада* отличается в современном русском языке именно и исключительно стилистической окраской, функциональной ограниченностью, сохраняя тождественность по отношению к своему синониму в номинативном аспекте. В раннем древнерусском языке слово *брада*, несмотря на свое старославянское происхождение, употреблялось не реже, но даже чаще, чем восточнославянская полногласная форма: в «Повести временных лет» (ПВЛ) употребляется только *брада* (и по Лаврентьевской летописи, и по Ипатьевской летописи); в корпусе древнерусского словаря 35 примеров со словом *брада* и 17 — с формой *борода*. Однако уже в летописных продолжениях «Повести временных лет» употребляется только полногласная форма, ср.: «*бороду* стригыи» в Волынской летописи; «*голови порѣзвая*

и *бороды*» в Суздальской летописи и другие аналогичные примеры, обнаруженные в Национальном корпусе русского языка [13]. Также полногласная форма используется в Русской Правде и грамотах. Примеры с *брада* (помимо ПВЛ) содержатся в церковных и переводных памятниках. Следует предположить, что уже в древнерусское время произошло стилистическое распределение полногласной и неполногласной форм; вариант *брада* сделался характеристикой церковнославянского языка.

До XIV в. выбор неполногласного варианта по большей части определялся тематическим критерием, после XIV в. — преимущественно эмоционально-экспрессивным критерием; на этом фоне устойчивых различий в области семантики и культурной коннотации вплоть до XVII в. нами не обнаружено. Однако в XVII в. артефакт «борода» приобретает особый статус в связи с распространением на Руси феномена бритья бороды — еще до официальных указов первой половины XVIII в. о борьбе с бородой. Первые примеры бритья бороды отмечаются на Руси в начале XVI в.; это новшество становится предметом идеологической борьбы в XVI–XVII вв., причем Стоглавым собором бритье бороды было официально запрещено — до Петровского указа 1699 г. Ср. несколько глаголов-синонимов, обозначающих негативно оцениваемое действие по бритью бороды: «Не растите влась главы своея, *ни бритвите брадь вашихъ*» (Корм. Кир., 241. XVI в. [4: с. 334]). «Царю и великому князю уставити по монастыремъ и вездѣ брадь и усовъ *не бръти*» (Беседа Вал., 24. XVI в., сп. XVII в. [4: с. 333]). «Ереси же арменстѣй и латынстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть [о царе Борисе], и в женскоподобныхъ образѣхъ любящей *бровити*» (Сказ. Авр. Пал., 487. XVII в. [4: с. 335]). Нужно отметить, что запрет на бритье бороды существовал и прежде, находя свое оправдание, в частности, в тексте Библии: «Да не бриете *брад* вашихъ» (Левит. 19: 27. ГБ. 1499 г. [4: с. 334]). Однако именно в XVI–XVII вв. в связи с западным влиянием культурный знак «бритье бороды» приобретает особую актуальность и эксплицирует новое значение — ‘знак ереси и отступления от человеческого естества’.

Отрицательное отношение к бритому человеку отражалось в появлении новых коннотативных слов, ср.: «*бритоусть, бритоусецъ* — бранное прозвище у раскольниковъ православнымъ» [12: с. 303]; «брада вголена: *ѡсюду голобрадство*» [2]; «безумнии *брадовривцы*, како не устыдятся брадь своихъ брити» (Алф., 64. XVII в. [4: с. 312]); «бояринь ... велѣль благословить сына своего *брадобритца*. Азь же не благословиль видя любодѣйный образъ» (Ав. ж., 165. 1673 г. [4: с. 312]); в другом списке Жития: «...сына своего Матфея *бритобратца*...» [4: с. 334]; «аще бо было бы *брадобритие* само собою зло...» (Д. Рост., 5 [6: с. 121]); «как *брадобритье* терпит Бог, то ему <мужик> дивно» (Кнт. Сат. IX, 181 [6: с. 121]); «*скудобрадым* же члвѣком, было бы и спасение скудное» (Д. Рост., 52 [6: с. 121]). В результате использования в ряде подобных слов (*голобрадство, брадобритие, брадобривецъ, брадобрители, бритоубрадецъ, скудобрадый*) неполногласной формы корня и само

неполногласное существительное приобрело символическое значение: *брада* ‘волосы в нижней части лица => благочестие, крепость в вере’. Ср.: «Велят нам <раскольникам> брады брить: а мы готовы главы наши за *брады* наши положить» (Д. Рост., 7 [6: с. 120]).

Однако в итоге указанное символическое значение стало фактом субкультуры (старообрядческой), поскольку в XVIII–XIX вв. в ходе идеологической полемики возобладали точка зрения о допустимости брадобрития. Ср.: «Раскольники *брадобритіе* почитаютъ неправильно за потеряніе образа Божія въ чловѣкъ, на что возраженіе находится въ Розыскѣ ч. 2, гл. 19» [1: с. 103]. «...Никто не можетъ сказать, что церковь въ то время [в XVI в.] не была благочестива; поэтому и теперь не слѣдуетъ обвинять православную церковь за допущеніе *брадобритія*» [11: с. 395]. Толковые словари XIX в. не отмечают никаких дополнительных оттенков значения (коннотаций) у слова *брада*, ограничиваясь исключительно характеристикой сферы употребления — «церковное» или «славянское». В XX в. появляются пометы, указывающие на жанровую закреплённость слова, чаще «традиционно-поэтическое», иногда развернуто: «Брада. *Устар.* В образной и поэтической речи. Борода» [7: с. 600]. Таким образом, современные лексикографические источники признают, что стилистическая ограниченность слова *брада* сопряжена с его особой образностью; содержание этой образности фактически не раскрыто, однако проведенный лексикологический анализ показал, что она определяется по меньшей мере двумя признаками культурной значимости: ‘(библейский) патриарх’ и ‘благочестие’. Во многих случаях использование так называемых стилистических словарных помет связано с тем, что слово обозначает предмет в его знаковой функции, т. е. помета связана «со словом как обозначением не реалии, а социологического понятия, содержащего указание на его оценку говорящим коллективом того времени (или предписывающего эту оценку)» [10: с. 20]. Иными словами, стилистическая окраска такого слова, как *брада*, при рассмотрении ее в диахроническом аспекте оказывается тесно сопряжена с выражением символического значения и культурной коннотации.

Соотношение в другой полногласной/неполногласной паре, *городъ* – *градъ*, оказывается более сложным. В древнерусском языке эти слова могли выступать в качестве равноправных дублетов, но могли также противопоставляться, как стилистически, так и семантически. К XVII в. на основе этих противопоставлений, судя по всему, сформировался особый концепт *градъ*. Рассмотрим его особенности на материале одного из произведений известного писателя XVII в. Авраамия Палицына — «Истории в память предидущим родом...». В состав данного обширного труда входит повествование об осаде Троице-Сергиева монастыря. Лексема *градъ* чрезвычайно частотна в этом произведении, что напрямую определяется его основным содержанием. Мы рассматриваем текст «Сказания...» по изданию одного из списков в «Библиотеке литературы Древней Руси» [3: с. 238–356]. Данное издание сопровождается историко-филологическим комментарием и переводом на современный язык; сравнение старорусского текста с этим переводом

в ряде случаев представляет несомненный интерес для исследователя, желающего оценить семантическую и стилистическую историю слов с корнем *город/град*.

Всего в тексте «Сказания...» нами выявлено 268 употреблений слов с корнем *город/град*, и в большинстве случаев мы обнаруживаем существительное *градъ* (73,5 %). Употребление слова *градъ* в «Сказании...», на первый взгляд, соответствует лексическому значению 'крепость', но структура этого значения должна быть уточнена. Выделение из исконной общеславянской синкреты **gordъ* 'огороженное пространство: хозяйственная территория, поселение, защищенное место' самостоятельного значения 'крепость' происходило параллельно в разных славянских диалектах, подобный лексико-семантический вариант закрепился, например, в чешском языке: *hrad* 'крепость, замок'. В русской же лексической системе возобладало другое направление семантического развития: основной стала референция внутреннего пространства, а не внешних границ, т. е. усилилось обозначение социальных феноменов, заключенных в охраняемых, оберегаемых границах: в современном русском языке *город* — 'крупный населенный пункт, административный и хозяйственный центр'.

Лексическое значение 'крепость, военно-административный центр' закрепилось за славянизмом *градъ*. Обозначение Троице-Сергиева монастыря как *града* объяснялось тем, что в середине XVI в. он был обнесен мощными каменными стенами и действительно сделался серьезной крепостью. Издатели текста «Сказания...» последовательно используют в русском переводе именно слово *крепость* в соответствии с древнерусским *градъ*. Между тем нельзя говорить о полной разграниченности в тексте XVII в. понятий «крепость» и «населенный пункт». Такие понятия сформированы в современном языковом сознании, однако в XVII в. понятийная структура была, видимо, иной. Монастырь, обозначаемый в тексте словом *градъ*, сегодня никак не может быть назван городом: мы различаем значительный по размерам и количеству жителей населенный пункт, с одной стороны, и сравнительно небольшую территорию, управляемую церковью, а не светской властью, — с другой.

Однако в культурном пространстве старорусского государства *град Троицкой Сергиевъ монастырь* рассматривался в ряду всех прочих *градов*. В «Сказании...» приблизительно в двадцати контекстах этим словом обозначается Москва, причем используется устойчивое выражение *царствующий град* для отграничения столичного города от всех прочих центров власти. Также нами выявлены случаи, в которых словом *градъ* обозначаются прочие города: «богатство от всѣх *градовъ*, нѣцци *гради* в Помории, людие... не токмо в сѣлех, но и от *градов*, лѣстми многие *грады* прельстивше погубиша» [3: с. 242, 244, 328]. В контексте повествования в большинстве случаев актуальным оказывается понимание городов как центров

сопротивления иноземному нашествию и изменническому войску. Разумеется, города при этом могут и должны рассматриваться как крепости — однако для старорусского сознания, сохраняющего традиции Древней Руси, город, лишенный крепостных стен, немислим. Иными словами, если для современного понятия «город» признак ‘защищенность’ оказывается факультативным, то для рассматриваемого переходного периода он еще остается обязательным. То, что Троице-Сергиев монастырь однозначно включался в ряд прочих защищенных населенных пунктов, хорошо видно из следующего контекста: «Оставя прочая *грады*, взяти Троецкой монастырь» [3: с. 326].

Вместе с тем в применении к осажденному монастырю понятие *градъ*, несомненно, включает в себя не только признак ‘защищенность’, но и признак ‘населенность’. Релевантность такого признака подтверждается чрезвычайно высокой частотностью в тексте «Сказания...» слов *люди* и *человѣкъ*. В значительном числе случаев упоминание *града* сопровождается в контексте указанием на неких людей, которые либо обороняют *град*, либо осаждают его, либо подступают к нему, покидают *град*, возвращаются внутрь. Конечно же, населением *града* как крепости оказываются прежде всего воинские люди, однако в монастыре присутствуют и обычные жители, не соотносимые напрямую с гарнизоном крепости (косвенно любой житель осажденного города неизбежно подчиняется задачам его защиты). Ср. следующие контексты: «Во *градъ* Троецком воинство и народ; христоролюбивое же воинство и вси *градстии людие*» [3: с. 254, 324]. Таким образом, репрезентируемое в тексте «Сказания...» лексическое значение слова *градъ* не может быть отождествлено напрямую ни с современным понятием *город*, ни с современным понятием *крепость*, а должно быть определено следующим образом: ‘защищенное крепостными стенами поселение, военно-административный центр’.

Полногласные формы корня *-город-* встречаются в тексте «Сказания...» несколько раз, и во всех случаях они указывают на наиболее конкретный, непосредственно наблюдаемый объект — городскую стену: «ис-под *городовыя* стѣны в ров» [3: с. 276]. Вместе с тем в языке XVII в. значение *городъ* ‘(укрепленный) населенный пункт’ уже оформилось: «И до Москвы едучи, по всѣмъ *городамъ* и по селамъ, во церквахъ и на торьгахъ кричалъ, проповѣдая слово Божие», Ав. Ж., 43. 1673 г. [5: с. 91] (ср. выше аналогичные контексты с формой *градъ*). Следовательно, предпочтение в тексте «Сказания...» неполногласной формы не может объясняться только семантическими (сигнификативными, денотативными) факторами. Неполногласные формы воспринимались как элемент сакрального языка, в котором символическая интерпретация референтов, связанных с материальной действительностью, была обязательной. Последовательное предпочтение неполногласного члена парадигматического ряда *городъ* – *градъ* в тексте «Сказания...»

свидетельствует, что, помимо понятийного, автор стремится выразить и символический уровень лексического значения: «специфическое древнерусское понятие становится основой для выражения культурного символа» [8: с. 35]: ‘обороняющаяся крепость — сила государства’.

Таким образом, стилистическая окраска (принадлежность к сакральному языку) слова *градъ* в XVII в. связана с передачей не эмоционально-оценочной коннотации, но коннотации культурной (символического значения). Можно утверждать, что в старорусском языке к XVII в. оформилось парадигматическое противопоставление, отражавшее особенности мировоззрения Московской Руси: слово *город* выражало различные конкретные значения, а на его фоне *град* ‘крепостные стены, защищающие поселение и символизирующие силу государственной власти’, бывшее стилистически маркированным церковнославянизмом, указывало на культурный символ, т. е. на заселенную крепость как явленную силу государства.

Однако в языке Нового времени данное противопоставление не получило развития. Это объясняется тем, что «на каждом этапе слово обладает соответствующими лексическими значениями, которые в совокупности и определяют содержание концептуальных форм» [9: с. 79]. В Новое время концепт являет форму понятия, которому соответствует прямое лексическое значение. В частности, в поэтических текстах А.С. Пушкина слово *градъ* употреблено 34 раза. В большинстве выявленных контекстов нам не удалось обнаружить свидетельств семантической дифференциации между формами *град* и *город*. Основная функция употребления неполногласной формы — стилистическая, передача эмоционально-оценочной коннотации, ср.: «...На немые стогны *града* полупрозрачная наляжет ночи тень». Здесь *град* соседствует с другим церковнославянизмом, *стогны*, причем актуализация семы ‘топология населенного пункта’ свидетельствует о тождественности реализуемого значения слова *град* и современного прямого значения слова *город*.

Проведенный анализ показывает, что в разные исторические периоды стилистическая окраска слова (принадлежность к высокому стилю, сакральному языку) может быть связана или с его функционально-тематической ограниченностью, или с выполнением символической функции: символические значения *брада* ‘волосы на лице — благочестие’, *градъ* ‘крепость — государственная власть’. Стилистическая и символическая маркированность может сопровождаться денотативным (понятийным) тождеством (*брада* – *борода*) или сложной семантической дифференциацией (*градъ* – *городъ*). В диахроническом плане символическая функция конкретного слова оказывается особенностью того или иного определенного периода, за пределами которого стилистическая окраска слова остается средством передачи исключительно эмоционально-оценочной коннотации.

Библиографический список

Источники

1. *Алексеев П.* Церковный словарь. СПб., 1817. Т. 1. 236 с.
2. *Берында П.* Лексикон славеноросский. Киев, 1961 (1627). 271 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 14. 758 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 1. 372 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 5. 392 с.
6. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1985. Вып. 2. 248 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 768 с.

Литература

8. *Алексеев А.В.* Механизмы реализации символических значений в памятниках письменности XVII века // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2013. № 1 (10). С. 31–37.
9. *Алексеев А.В.* Происхождение древнерусского концепта *тьрпѣние*: этимологический аспект // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 3 (23). С. 79–86.
10. *Винокур Т.Г.* Толковый словарь и языковое употребление // Вопр. языкознания. 1986. № 4. С. 16–26.

Справочные и информационные издания

11. Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912. Т. 1. 1120 с.
12. Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. СПб., 1873. Отдел 1. Т. 3. 688 с.

Интернет-ресурсы

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html (дата обращения: 19.09.2017).

References

Istochniki

1. *Alekseev P.* Cerkovny'j slovar'. SPb., 1817. T. 1. 236 s.
2. *Berynda P.* Leksikon slavenorosskij. Kiev, 1961 (1627). 271 s.
3. Biblioteka literatury' Drevnej Rusi. SPb.: Nauka, 2006. T. 14. 758 s.
4. Slovar' russkogo yazy'ka XI–XVII vv. M.: Nauka, 1975. Vy'p. 1. 372 s.
5. Slovar' russkogo yazy'ka XI–XVII vv. M.: Nauka, 1977. Vy'p. 5. 392 s.
6. Slovar' russkogo yazy'ka XVIII v. L.: Nauka, 1985. Vy'p. 2. 248 s.
7. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka: v 17 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. T. 1. 768 s.

Literatura

8. *Alekseev A.V.* Mexanizmy' realizacii simvolicheskix znachenij v pamyatnikax pis'mennosti XVII veka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2013. № 1 (10). S. 31–37.

9. *Alekseev A.V.* Proisxozhdenie drevnerusskogo koncepta t'rpenie: e'timologicheskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 3 (23). S. 79–86.

10. *Vinokur T.G.* Tolkovy'j slovar' i yazy'kovoe upotreblenie // Vopr. yazy'koznaniya. 1986. № 4. S. 16–26.

Spravochny'e i informacionnye izdanija

11. Polny'j pravoslavny'j bogoslovskij e'nciklopedicheskij slovar'. SPb.: Izd-vo P.P. Sojkina, 1912. T. 1. 1120 s.

12. Russkij e'nciklopedicheskij slovar', izdavaemy'j professorom S.-Peterburgskogo universiteta I.N. Bereziny'm. SPb., 1873. Otdel 1'. T. 3. 688 s.

Internet-resursy'

13. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html (data obrashheniya: 19.09.2017).

A.V. Alekseev

**The Stylistic Connotations of the Word:
the Diachronic Aspect**

The contents of the notion «stylistic connotation of the word» is specified by means of the diachronic method. The stylistic connotation is viewed as an incorporation of different connotations and functional limitations of the word. The source of the cultural connotation is the symbolic function of words, as shown on the example of the nouns «Brada» and «Grad» (Old Russian «Beard» and «Town»). In the history of the language, the words have lost their most ancient meanings associated with the sacred stylistic connotations.

Keywords: lexical semantics; historical stylistics; symbolic meaning.